

ТАНИНО ДЕТСТВО

Память. Она ведь очень разная у людей. Кто что запоминает. Тете Тане исполнилось 85 лет, но даже неумолимое время не смогло стереть из ее памяти воспоминания о полуголодном детстве, которое пришлось на годы военного лихолетья.

«Не надо про меня писать», - категорически заявила эта скромная, доброжелательная женщина, глядя на меня своими ласковыми, приветливыми глазами, которые кротко и ровно светились на ее и сейчас еще красивом лице. «Я ничего особенного в жизни не сделала, а работала также, как и все», - сказала она.

Но как-то она рассказала несколько случаев из своей жизни, которые я не смогла забыть.

В весеннем лесу

Тане не было и семи лет, когда началась война, но больше всего она запомнила одну военную весну. Весна в деревне всегда была самым голодным временем года. И до войны не всем жилось сладко, но все же кусок хлеба имелся в каждой семье, а у крепких хозяев были и масло, и мясо. Теперь же война уравнила всех. В каждом доме хозяйничала нужда. Муки уже давно ни у кого не было, хлеб пекли из сваренной картошки, перемешанной с толченой сухой лебедой и крапивой. В пищу шли и толченый конский щавель, и собранные с деревьев сережки.

В Таниной семье и с осени запасы съестного были невелики, а к весне и вовсе ничего не осталось. Даже картошки не было; совсем мелкую сохраняли на семена.

В некоторых семьях истощенные люди начинали пухнуть с голода. И у Тани, и у ее младшей сестренки уже стали распухать ноги. Мать от непосильного крестьянского труда и голода стала хворать. Отец Тани, уехавший еще до войны на заработки в Москву, работал там на военном заводе. В сложных, тяжелейших условиях работал завод, отец только изредка присылал весточки. Война ведь была не только на фронте, она была всюду. Люди умирали не только от ран, они умирали и от тяжелой работы, и от голода. Накануне Победы в 1945 году, узнав о болезни жены, отец, получив разрешение и уже приобретя билет на поезд, умер прямо на рабочем месте. Он похоронен в Москве.

Старшего брата Татьяны Ивановны – Алексея, мобилизовали на фронт в 17 лет.

Гриша, второй ее брат, был несколькими годами старше ее и являлся в семье основным добытчиком «подсобной еды». Деревенские дети, чтобы хоть чем-то наполнить вечно голодные желудки, уже с начала весны искали какой-либо подкорм в лесах и на лугах.

В апреле по оврагам еще тянулись полосы снега, трава оставалась бурой и безжизненной. В лесу под деревьями кое-где лежал снег, но Гриша рано утром разбудил Таню и велел ей собираться в лес. Обув на ноги лапти с колодками, дети пошагали в сторону леса. Худую одежку пронизывал холодный ветер.

Конечно, лес интересен во все времена года. Но голодные дети даже не обратили внимание на лиловую дымку весны, опустившуюся на него. Не интересовали их ни поваленные рябины, ни ивы, изглоданные зайцами, ни зеленоствольный осинник, слившийся вдалеке в сплошное пятно, напоминающее легкую полупрозрачную дымку первой весенней зелени. А вот пробивший залежалый рыхлый слой снега у пенька гриб на белой ножке с ячеистой коричневой шляпкой сразу привлек их внимание. «Это сморчок – «гриб-подснежник», - сказал Гриша. Рядом оказалась целая грибная колония! Обрадованные дети стали собирать эти дары леса в корзину, захваченную из дома. И тут Гриша увидел неподалеку двух крупных черных птиц, сидящих под кустом. Ловкий парнишка схватил одну из них и сунул в руки сестренке. «Держи крепче!» - крикнул он, а сам погнался за второй. Это была настоящая охота. У Гриши уже мелькнуло в голове, как мать сварит ароматный суп, и всей семьей они сядут за стол и наконец-то наедятся вдоволь. Но проклятые колодки на лаптях помешали догнать вторую птицу, а

вернувшись к сестренке, он не увидел в ее руках и первую. Слабенькая от голода девочка не смогла удержать сильную, вырывающуюся из рук птицу. «Где она?!» - закричал гневно Гриша и, не дождавшись ответа, отвесил сестренке увесистую оплеуху. Таня упала. Девочка поднялась, глотая плотный клубок, подступивший к горлу. Слезы потекли по щекам, из разбитого носа текла кровь; от боли она съежилась, размазывая кровь по лицу. Жалко стало сестренку Грише, и от этого чувства он заплакал и сам. Стояли в весеннем лесу два беспомощных ребенка и навзрыд плакали. Больше никогда не видела Таня слез своего брата, ведь в тот момент он понял, что детство, каким бы оно ни было, кончилось. Придя домой, Гриша заявил матери, что хочет уехать к отцу и начать работать. А в лесу он вытер грязным рукавом телогрейки слезы, вымыл мокрым снегом лицо Тани, огорченно заметив, что нос у нее распух, а под глазом начал расплываться густо-синий подтек. Хотя и наполнили дети корзинку сморчками и собрали в мешок сережки с деревьев и орешки с липы, но шли домой, невесело понутив головы. А дома их ждало приятное известие – отец прислал посылку! Сэкономленные из скудного пайка рабочего несколько банок консервов, крупа и хлеб, не дали семье умереть от голода.

За ягодами

Пришло лето. Залитая солнцем лежит деревня. На улице пышная листва тополей скрывала убогие избы, дворы, плетни. Рано утром уходят на сенокос женщины и подростки. Мужчин в селе мало – они на войне. Домашние дела лежат на плечах стариков и детей. А еще дети делают запасы ягод и грибов на зиму. Грибы и ягоды сушат, ведь ни сахара, ни соли ни у кого нет. Таня, переделав порученные мамой дела, идет в лес за ягодами одна. В руках кузовок, на голове стираный-перестиранный ситцевый платочек. Необычно наряден стал лес; тоненькие березки на опушке и одинокие ивы в низине остановили на себе взгляд девочки; ни с чем несравнимый аромат цветущей липы кружит голову. На опушке леса краснели ягоды. Ловкие руки девочки наполняли кузовок, она старалась каждую ягодку класть туда. Вот уже и полна посуда, и Таня потянулась к клену, чтобы сорвать листочки и покрыть ими ягоды. И вдруг между кустиками видит она устремленные на нее светлые глаза. Волк! Первый раз в жизни видит она волка, но знает по картинкам и по рассказам как он выглядит. Оцепенев от ужаса, девочка выронила из рук корзиночку. Рассыпались по траве алые ягоды, а Таня все не могла отвести взгляд от хищника. Но тут вспомнила она, как кричат

хозяйева на залезших в их сад или огород мальчишек: «Алюль! Алюль!» - отчаянно закричала девочка и, сорвав с головы красный, вылинявший на солнце платок, замахала им на волка. Видно от неожиданности, а скорее всего от того, что был не голоден, «санитар леса» повернулся и быстрыми, ловкими прыжками бросился в лес.

Таня подняла кузовок с оставшимися ягодами и медленно побрела от опушки. Девочка дошла до ручья и спустилась к прозрачной воде. Ноги были как ватные. Она опустилась на землю. «Отдохну и пойду дальше», - думала она. А сил оторваться от земли не было. Она задремала... Темнело, когда Таня очнулась и пошла домой. Навстречу ей уже бежал встревоженный брат.

На торфяных

работах

Война осталась позади. А впереди были неисчислимые послевоенные тяготы. Особенно тяжело жилось в деревне. Налоги, безденежье, голод... Часть людей в то время выехала в города. Девушки уезжали на заработки на торфяные работы в Ивановскую область и привозили оттуда яркие ситцы и штапели, шелковые и ситцевые платки – все то, чем рассчитывались с ними за тяжелый труд. Таня, как и другие девочки, завидовала их нарядам: и хотя ей было только 16 лет, решила тоже поехать на торф. Очень не хотелось матери отпускать на сторону еще неокрепшую дочь, но та настояла на своем. Тяжелая работа, неустроенность быта, когда негде было сушить всегда мокрую одежду и обувь, плохое питание не могли напугать девчонок. Работали, веселились, пели песни, плясали. А сколько еще не отыгранного детства было в них! «Наберем полные ведра лягушек, - рассказывала тетя Таня, - укроемся возле шоссе; по дороге едут машины, в кузове сидят мужики-лесорубы, мы и начинаем кидать в них лягушками. Они нас не видят, а потом рассказывают всем про летающих лягушек!»

Но однажды с девушкой случилась беда. Во время грозы в дерево, рядом с которым они работали, ударила молния. Таня и ее подружка не подавали признаков жизни, и тогда их закопали в землю, оставив на виду только лицо: таким образом раньше выводили из пораженного молнией человека разряд. Девушки выжили. Через некоторое время Таня приехала домой, привезя с собой и ситец, и шелковый с кистями платок, и ботиночки на каблуках...

В русской народной песне поется:

«Хороша я, хороша,

Плохо лишь одета,

Никто замуж не берет

Девушку за это».

Но дело оказалось не в нарядах, и не за наряды влюбился в красавицу Таню ее будущий муж Петр, а за ее прекрасные душевные качества, за доброту и ласку и, прожив с ней в согласии и дружбе всю жизнь, всегда восхищался ее трудолюбием, рассудительностью и любовью к родным и близким.

Антонина

КРАСНОЩЕКОВА